АРХИВ

В.В. БОЧЕНКОВ

«ВСЁ НЕ СОБЕРУСЬ, НЕ УСПЕВАЮ ОБРАБОТАТЬ ДАВНО ЗАДУМАННЫЙ ТРУД – ИСТОРИЮ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ» (ПИСЬМА Н.И. СУББОТИНА К П.П. ПЕКАРСКОМУ)

«Мои сношения и переписка с Петром Петровичем Пекарским начались с 1867 г., когда он был уже академиком и занят был своим главным трудом – ,,Историею Академии наук“», – вспоминал Н.И. Субботин. Историк литературы и библиограф П.П. Пекарский (1827–1872) был к тому времени экстраординарным (с 1868 г. – ординарным) академиком АН. Посвятив себя научной деятельности, общался более всего с коллегами, среди которых известные и по сей день учёные – И.И. Срезневский (1812–1880), А.Ф. Бычков (1818–1899), Я.К. Грот (1812–1893). Двухтомник «Истории Императорской Академии наук в Петербурге» вышел в первой половине 1870-х годов. Автор довёл его до 1767 г. В книгу вошли первые научные биографии М.В. Ломоносова и В.К. Тредиаковского.

П.П. Пекарский составил замечательную коллекцию исторических брошюр, отдельных оттисков статей, был страстным библиофилом. Есть свидетельство, что Н.Г. Чернышевский подсказал ему идею научного описания изданных в Петровскую эпоху книг. П.П. Пекарский воплотил её в жизнь: в 1855 г. он опубликовал «План и образцы библиографического обозрения русских книг петровского времени», а спустя несколько лет двухтомник «Наука и литература в России при Петре Великом». По требованию цензуры из рукописи была изъята глава «Полемические сочинения начала XVIII века», посвящённая старообрядческим духовным сочинениям. Запрещение сняли только спустя несколько лет.

Н.И. Субботин встречался с П.П. Пекарским только один раз, но довольно долгое время (в течение почти четырех лет) переписывался и регулярно высылал ему книги. К 1870 г. он опубликовал книги «Архимандрит Феофан, настоятель Кириллова-Новоезерского монастыря» (1862), «Дело патриарха Никона» (1862), «Раскол как орудие враждебных России партий» (1866) и другие, цикл статей «Современные летописи раскола» в журнале «Русский вестник», стати в «Душеполезном чтении» и другой периодике. Издание «Братского слова» началось в 1875 г. Письма П.П. Пекарского к Н.И. Субботину, подготовленные самим Николаем Ивановичем, были опубликованы в 1905 г., уже после смерти известного историка и противостарообрядческого полемиста, в «Русском вестнике» (см.: Субботин Н.И. Воспоминания о некоторых писателях прошедшего столетия и их письма // Русский вестник. 1905. Т.298. №7. С.240–253).

Двенадцать публикуемых писем Н.И. Субботина к П.П. Пекарскому хранятся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург): РНБ. Ф.568 (Пекарский П.П.). Ед. хр.382. Они содержат ценные биографические свидетельства, отзывы о книгах, археографической работе двух исследователей, о лицах, занимавшихся историей и изучением старообрядчества, борьбой с ним: В.И. Кельсиеве (1835–1872), митрополите Московском Филарете (Дроздове) (1782–1867), Г.Ф. Штендмане (1836–1903), иноке Павле Прусском (Ледневе) (1821–1895), а также оценку их деятельности.

Подготовка текста, вступление, комментарии – В.В. Боченкова.

1

Милостивый государь Пётр Петрович!

Я так много виноват пред Вами, что не пытаюсь и оправдываться в моей вине. Посылку с Вашими книгами я получил очень давно, – и теперь только собрался поблагодарить Вас за Ваш любезный подарок! Простите, пожалуйста, мою невежливость, а паче леность в письмописании.

Слышал я, что нынешним летом Вы были в Лавре и посетили мою квартиру (1). Очень жалею, что не имел возможности Вас видеть; если Вы приезжали и с тою целию, чтобы посмотреть здешние книжные сокровища, посмотреть наши рукописи и заняться ими: жалею ещё больше, что не удалось послужить Вам в этом отношении и предложить гостеприимство. Льщу себя надеждой, что когда-нибудь вознагражу себя на этот счет.

Благоволите принять в знак моего искреннего к Вам уважения препровождаемую при сем книжку, которая, впрочем, имеет интерес не учёный.

Желая Вам всего лучшего, остаюсь преданным Вашим слугой.

Н. Субботин

27 сент[ября] 1867 года.

Вспомнил я о Вашем желании иметь мою карточку: посылаю здешнего, не высокого художества, и делаю это в той приятной надежде, что Вы не лишите меня удовольствия иметь Вашу.

Примечания

1. На самом деле П.П. Пекарский не приезжал в Лавру (см. следующее письмо). Это был А.Ф. Бычков – директор Императорской Петербуржской Публичной библиотеки (Санкт-Петербург), автор трудов по палеографии, археографии, библиографии.

2

14 окт[ября] 1867.

Милостивый государь Петр Петрович!

Недели две тому назад имел я честь получить Ваше письмо; а вчера дошла до моих рук и Ваша посылка (1). Усердно благодарю Вас и за книги, и за любезное послание, и за превосходный портрет. Он сделан так изящно, что мне становится совестно за уродливое произведение нашей посадской фотографии, которое я имел смелость препроводить к Вам. Не лучше ли найдете Вы другой портрет мой, который препровождаю ныне, вместе с портретом А.В. Горского? (2). Он из коллекции тех портретов, которые поднесены нами достопочтеннейшему Александру Васильевичу в память совершившегося тридцатипятилетия его служения науке. (От того и изображён я во всей оффицио).

О Вашем желании иметь отдельный оттиск статьи А.В. о Петре Могиле (3) я не забыл: после Ваше[го] отъезда спрашивал я и у самого автора, и у других. К сожалению ни одного экз[емпляра] ни у кого не оказалось. Теперь снова пересмотрел все находящиеся у меня брошюрки: из сочинений А.В. оказалось немного, и все, что есть, посылаю к Вам ныне же. Еще приложил я «Указатель» к «Твореним св. Отцов» (4). Имеете ли его? В нем обозначено все, что писал А.В. в этом журнале. Он будет небесполезен и для указания авторов некоторых неподписанных статей в редактируемой Вами «Исторической библиографии». За присылку этой полезной книжки я Вам очень благодарен, и если б не было совестно, стал бы Вас беспокоить просьбою о доставлении мне возможности иметь и прежние выпуски.

Относительно Вашего пребывания в Лавре я был введен в заблуждение моим слугой, который передал мне, по обычаю довольно нетолково, о бывшем у меня петербургском посетителе. Если это был действительно А.Ф. Бычков, то я весьма сожалею, что лишился случая познакомиться с ним и в некоторое вознаграждение себе прошу Вас в таком случае передать А.Ф. препровождаемую к Вам мою книжку, которую да примет он в знак моего искреннего к нему уважения.

Об издании каталога Лаврской библиотеки говорил с Александром Васильевичем и Афанасий Федорович (5), как я слышал от первого. Бог знает, как устроится это дело, зависящее от людей, мало ему сочувствующих. Много виноват тут и Бодянский (6). Но всеми силами нужно заботиться, чтобы такой полезный труд не остался в безвестности.

Желаю Вам успеха в трудах и благоденствия.

Ваш покорный слуга

Н. Субботин

Примечания

1. Ответное письмо П.П. Пекарского датировано 30 сентября. Он выслал Н.И. Субботину четвертый выпуск «Исторической библиографии», изданный под его руководством, и некоторые свои сочинения.

2. П.П. Пекарский просил прислать в письме и портрет Александра Васильевича Горского (1812–1875) – тогдашнего ректора Московской духовной академии, где трудился и Н.И. Субботин.

3. Петр Могила (1596–1647) – киевский митрополит, сын молдавского господаря. Основал свою высшую школу, выхлопотал в Варшаве признание православной церкви рядом с униатской. С энергией устраивал свою академию, посылал преподавателей за границу, издавал необходимые для православного духовенства книги, восстанавливал церкви.

4. Журнал Московской духовной академии «Творения Святых отцев в русском переводе». Указатель пригодился П.П. Пекарскому для составления пятого тома «Исторической библиографии».

5. Афанасий Фёдорович Бычков.

6. Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – филолог-славист, профессор Московского университета. Опубликовал большое число памятников древнерусской литературы, в том числе «Житие Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского», материалы о деятельности Кирилла и Мефодия. Редактор журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Каталог Лаврской библиотеки был передан для печати в Императорское Общество истории и древностей, но Бодянский не печатал и не возвращал его «по каким-то капри-

зам». Каталог увидел свет в 1878–1879 гг., когда наместником Лавры был известный историк архимандрит Леонид (Кавелин).

3

25 октября 1867.

Спешу поблагодарить Вас, многоуважаемый Петр Петрович, за Ваше любезное послание.

Очень интересно было мне узнать, как Петербург занят новообратившимся, «из неверия в веру претворившимся» В.И. Кельсиевым (1). Моя книжка явилась не ко времени, а может быть именно ко времени... Полагаю, что ярые почитатели Кельсиева не очень довольны откровенным словом, какое сказано о нем в этой книжке. Очень желал бы я знать, как в самом деле рассуждают о сем предмете (если только рассуждают), – а если Вам случалось что-нибудь слышать на этот счёт, Вы премного обязали бы меня, сообщив кое-что из услышанного. Но всего интереснее было бы мне узнать, как сам г. Кельсиев отзывается о том, что я написал о нём, – признает ли справедливым написанное, и всё ли? (2). Я с моей стороны желал писать правду о нём, и одну только правду, – строго поверяя все сообщаемые мне известия; но могло очень случиться, что против моего желания проскользнуло кое-что и не совсем справедливое. Надобно заметить ещё, что в последней главе, которая печаталась в то время, как было уже известно о переходе Кельсиева, многое исключено (от того и вышла она такая кургузая). С Вашим мнением я вполне согласен: Кельсиев, конечно, сделал очень хорошее дело, воротясь в Россию (на помилование он всегда мог рассчитывать), но восторгаться и кричать по этому случаю – значит перейти в крайность. Я готов верить, что в Кельсиеве действительно совершилась перемена, внутренний переворот (только не в религиозном отношении); но не менее уверен и в том, что внешние обстоятельства имели на совершение этого переворота весьма сильное влияние. Живя в Тульче, он находился в крайне ужасной бедности: это знаю я от людей, которые сами помогали ему деньгами (3).

За Ваше ходатайство перед Отделением весьма Вам благодарен и ожидаемые мною книги «Исторической библиографии» приму с великой признательностью (4).

А Вам, как любителю брошюр, не угодно ли иметь полное собрание статей покойного В.М. Ундольского? (5). Их собрал душеприказчик Ундольского, в распоряжение свое получивший всю его библиотеку. Известите меня, и я с первой же почтой вышлю Вам экземпляр этого сборника.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших трудах.

Преданный Вам Н. Субботин.

Примечания

1. В своем письме П.П. Пекарский писал Н.И. Субботину: «Ваш ,,Раскол как орудие“ и пр. прибыл ко мне очень кстати. Я читал его и прежде: но теперь прочел еще раз. И знаете ли для кого? Для Кельсиева. Бывает ли у Вас в руках газета ,,Голос“? Если бы Вы её читали, то узнали бы, что Кельсиев теперь превозносится, – он в моде, на него бегают смотреть. Конечно, он хорошо сделал, вернувшись в Россию, особенно если это сделал по внутреннему убеждению, а не потому, что ему уже некуда было преклонить голову. Но восторгаться им, как это делает ,,Голос“ и разные его покровители, но ставить ему в особенную заслугу, что он всегда держался на практической почве, т.е. намеревался возбудить раскольников и т.д. и т.д., всё это, как думает меньшинство, по крайней мере неловко». Сочувственный отзыв о В.И. Кельсиеве и его поступке был опубликован в «Голосе» от 3 (15) октября 1867 г.

2. В ответном письме П.П. Пекарский писал: «Вот уже года четыре, как я веду среди шумного города монастырскую жизнь. Все мои посещения утром сосредоточены в Государственном архиве, два раза в неделю в академические заседания, а вечером работаю дома по бумагам академического архива. Немногие мои знакомые также подобраны из людей не от мира сего. Вот почему мне трудно отвечать на то, что занимало недавно известную частицу петербургского общества. О происходящем в городе я узнаю только из газет, которые читаю вместо отдохновения. Чтобы удовлетворить Ваше любопытство, я спрашивал своего товарища Бычкова; но и он, оказалось, по этой части не далее меня».

3. В архиве А.А. Краевского (РНБ. Ф.391. Ед. хр.386) сохранилось письмо к нему певчего посольской константинопольской церкви А.М. Зубарева. Тот сообщает, что в своё время одолжил В.И. Кельсиеву 26 турецких золотых лир (598 франков). В.И. Кельсиев уехал в Россию, не вернув долга. А.М. Зубарев просил А.А. Краевского, редактора «Голоса», напомнить тому о деньгах. «Он теперь имеет возможность сделать это; в газетах и журналах ваших напечатано много его трудов». Словом, слухи о крайне бедной жизни В.И. Кельсиева за границей – не вымысел.

4. П.П. Пекарский ходатайствовал перед Отделением русского языка и словесности о высылке Н.И. Субботину первых трёх выпусков «Исторической библиографии».

5. Ундольский Вукол Михайлович (1815–1864) – библиограф и библиофил, собравший ценную библиотеку славянско-русских рукописей. Главный труд, «Очерк славяно-русской библиографии», вышел в 1871 г., посмертно.

4

14 ноября 1867

Милостивый государь Петр Петрович!

Несколько дней назад я имел удовольствие получить первые три выпуска «Исторической библиографии». Не зная, кого благодарить за этот лестный для меня дар, присланный самим Отделением русск[ого] яз[ыка] и словесности в Вашей Академии, я решился Вас же, как единственного виновника настоящего события, просить о передаче кому следует моей искренней признательности за незаслуженное мною внимание к моей особе. Я очень желал бы с своей стороны хоть чем-нибудь воздать за оказанное мне внимание.

Получили ли Вы мое письмецо, в котором я предлагаю выслать Вам полное собрание статей Ундольского? По первому Вашему слову сборник будет Вам выслан.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам

Н. Субботин.

5

9 декабря 1867 г.

Милостивый государь Петр Петрович!

Я очень замедлил ответом на Ваше любезное письмо (1). Но дней десять мы решительно бездействовали, поражённые событием, хотя и ожиданным, но, тем не менее, внезапным и слишком важным по своим последствиям особенно для нас. Разумею кончину владыки Филарета (2). И для Вашей Академии это большая утрата: правда, покойный митрополит не был деятельным ее членом, но он был членом поистине почётным, его именем украшалась Академия наук. Вероятно, у вас почтят его память приличным воспоминанием. А для нас, как сказал я выше, с кончиной Филарета соединено многое, близко касающееся нашей судьбы. Несомненно, что последуют важные перемены и во всем духовном ведомстве, и в ведомстве духовно-учебном, и в особенности у нас – в нашей академии, для которой владыка составлял все, был ultima ratio (3), опора всего и вершитель всего. К лучшему будут перемены или к худшему – Бог знает и день явит. Правда, начинали уже многие говорить, что Филарет отстал от всего, что нужны молодые деятели, но кто заменит Филарета? Теперь, когда пришло время заменить его, этот вопрос представляется почти неудоборешаемым, а потому и самые толки об устарелости Филарета оказываются малосостоятельными. Несомненно одно, что такого ума теперь не отыщут ни на одной архиерейской кафедре, да и долго, вероятно, не отыщут. Я не описываю Вам, как мы хоронили великого мужа: мне пришлось сверх ожиданий быть летописцем этих печальных торжеств – описать их «Московских ведомостях», где, вероятно, Вы и прочли мною написанное (4).

Мне очень совестно, что заставил Вас наведываться о Кельсиеве. Я полагал, что до Вас что-нибудь доходило из известной литературной сферы, где г. Кельсиев сделался было чуть не идолом. Теперь, когда Вы сказали мне, как уединенно Вы проводите время, я еще более Вас уважаю.

Я послал Вам сочинения Ундольского и прошу Вас принять их в знак моего искреннего к Вам расположения и ещё в знак уважения к Вам владельца библиотеки Ундольского, А.И. Хлудова (5), от которого я получил даром экземпляр для препровождения к Вам.

С большим удовольствием исполнил я Ваш совет – послать на имя Я.К. Грота отдельно изданные мои статьи и книжки, хотя, сказать по правде, совестно было посылать такие пустяки (6). Прошу Вас посодействовать, чтобы мой ничтожный дар принят был снисходительно.

Простите, многоуважаемый Петр Петрович, желаю Вам всего доброго.

Преданный Вам Н. Субботин.

Два слова о переплете сочинений Ундольского. Вероятно, он не в Вашем вкусе и не будет гармонировать с книгами Вашей библиотеки, но все экземпляры Хлудов переплел по образцу экземпляра, переплетенного покойным Вуколом Михайловичем. Это может сообщить переплету даже некоторое значение.

Примечания

1. П.П. Пекарский писал Н.И. Субботину 17 ноября.

2. Московский митрополит Филарет (Дроздов) умер 19 ноября 1867 г.

3. Буквально – «последний довод» (лат.).

4. В «Московских ведомостях» за ноябрь 1867 г. была помещена серия анонимных статей, повествовавших о кончине, похоронах и значении митрополита Филарета, а также различные речи, посвящённые его памяти (См. «Московские ведомости». №258–263 от 25 ноября–1 декабря).

5. Хлудов Александр Иванович (1818–1882) – купец, основавший вместе с братом хлопчатобумажную фабрику в Егорьевске (Московская губ.) и ряд других предприятий. Был

собирателем древнерусских рукописей и книг. Именно он стал душеприказчиком В.М. Ундольского и владельцем его библиотеки. Книжное собрание А.И. Хлудова хранится в Государственном Историческом музее.

6. Грот Яков Карлович (1812–1893) – языковед, историк литературы и переводчик, был секретарём в Отделении русского языка и словесности Петербургской Академии наук. Вплоть до 1918 г. Россия пользовалась разработанными им правилами орфографии. П.П. Пекарский просил Н.И. Субботина прислать на его имя отдельные оттиски своих статей.

6

14 февраля 1868 г.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Посылаю Вам поздний ответ на Ваше любезное письмо от 10 января.

Ваше поручение относительно приложенного к письму объявления о задачах на Уваровскую премию я исполнил. Но, кажется, здесь были уже получены экземпляры и исправленного объявления. Что касается Вашего желания, чтоб кто-нибудь из наших занялся сочинением на предложенную Вами тему, к сожалению, я не вижу надежды на его осуществление: у нас нет совсем людей, читающих по-польски.

Я очень рад, что присланный Александром Васильевичем портрет покойного митрополита удовлетворил Вас: этот портрет и я советовал послать вместо фотографий, между которыми ни одной нет удовлетворительной, потому что ни одного фотографического портрета с натуры не осталось – не успели убедить покойного дать хоть бы один сеанс. В посланном к Вам портрете есть один недостаток, который легко может устранить художник, делая копию: неправильно очёркнуты плечи, – слишком толсты; от того посадка вышла не митрополичья, столь хорошо известная по всем почти портретам. Если б понадобилось, я с удовольствием пришлю Вам фотографию, по которой этот недостаток можно исправить.

Что у вас говорят о назначении приемника покойному митрополиту? Конечно, заменить Филарета невозможно; но, кажется, для того, чтобы быть Московским митрополитом и после Филарета, недостаточно только апостольских миссионерских подвигов, хоть и достойных самого глубокого, благоговейного почтения. И Бог знает, когда мы дождемся своего нового начальника!

Вы даете мне надежду на получение нового выпуска «Исторической библиографии», заранее благодарю Вас. Между тем я получил от Академии новый подарок: недавно при письме Я.К. Грота выслан мне «Сборник статей, читанных в отделении р[усского] языка и словесности». Мне даже совестно видеть такое внимание ко мне ваших сочленов, ничем с моей стороны не заслуженное. Вполне уверен, что и в этом случае я всего более обязан Вашему доброму ко мне расположению, за которое примите мою искреннюю благодарность.

Читая «Сборник», для меня очень интересный, потому что «Записок» не вижу, я удивляюсь, как много трудитесь Вы, Петр Петрович! Дай Бог Вам сил и успеха!

Неудивительно, что при Ваших занятиях Вы не можете свободно выбрать время для поездки из Питера в наши края. Я, не столько занятый, и больше ленивый, нежели занятый, тоже, как видите, понапрасну просбирался съездить нынешней зимой в Петербург. А побывать хочется и, право, больше затем, чтоб повидаться с Вами и лично Вам выразить чувства моего искреннего к Вам расположения.

Чувствуется ли пост в Петербурге? У нас в Лавре очень чувствуется и потому не могу не поздравить Вас с постом.

Преданный Вам

Н. Субботин.

7

Душевно уважаемый Петр Петрович!

Довольно давно уже, как получил я Ваше любезное послание и потом, несколько времени спустя, и обещанные в нем издания Академии наук. Сердечно благодарю Вас и за то, и за другое. Сгораю нетерпением чем-нибудь воздать Вам за такое доброе и малозаслуженное Ваше ко мне расположение.

Из письма Вашего вижу, что фотографические карточки покойного митрополита, которые предлагал я выслать Вам, имеются уже и в Академии, и у Вас: я имел в виду те же самые, которые Вы справедливо называли несовершенными, и хотел я выслать их не с тою целию, чтобы по ним копировать лицо, а чтобы несколько исправить посадку и форму плеч, которые, по моему мнению, не совсем верно изображены на портрете, который Александром Васильевичем выслан в Академию. Видели ли Вы портрет при книге Сушкова? (1). Очень сходен, но посадка та же самая, что и на портрете, сейчас упомянутом. Дело в том, что ни одного фотографического портрета, снятого с натуры, не имеется; все (лучшие) сняты с портретов, писанных неким Шпревичем, занимавшимся единственно писанием митрополичьих портретов и едва ли не отсюда только получавшим пропитание. Портрет, высланный А.В., его же работа. Я обошел все здешние

лавочки, пересмотрел все портреты, но того, что хотелось найти, не нашел; поищу в Москве, и если найду, не замедлю выслать. Кстати о портретах. Не желаете ли Вы иметь копии очень редких, и только мне доставленных портретов Амвросия (2), Павла (3) и разных раскольничьих архиереев? У кого что болит, тот о том и говорит; а Вы, помнится, сказывали, что любитель собирать портреты редких знаменитостей.

Читали ли помянутую выше книгу Сушкова? Как ни безобразно, относительно порядка, она написана, но есть очень интересные страницы, а в приложении статьи весьма важные. Не мудрено, что Муравьев (4) и на неё воздвигнул гонение; но для будущего, и даже, вероятно, очень будущего биографа митрополита Филарета небесполезны будут и такие книги.

Вы с некоторым удивлением и сожалением говорите, что в Академию не высылается наш журнал (5). Увы! Он никуда не высылается... К стыду моему он существует только de officio, а не de facto. Не знаю, как наша Академия, имеющая во главе такого поистине многоученого мужа, как достопочтенный Александр Васильевич, как она избавится от этого срама. А избавиться очень желает. Приготовляем большой том прибавлений (кажется) за 1865 год!

Меня порадовало известие, что Вы имеете заняться рассмотрением книги С.К. Смирнова (6). При оценке учёных трудов, конечно, следует иметь в виду исключительно учёный труд, а личные качества или обстоятельства автора не принимаются во внимание; но если наш сотоварищ удостоится денежной награды, то многие поблагодарят читавшего его книгу, имея в виду именно семейное положение автора...

Что сказать Вам нового? Для меня самой дорогой новостью было присоединение к церкви истинно замечательного человека – Павла Прусского с братией (7). Ожидаю многих и добрых плодов от этого события. Когда выйдут отдельные оттиски того, что я писал о Павле, вышлю Вам.

Поздравляю Вас с приближающимися праздниками и от души желаю Вам всякого благополучия.

Ваш преданнейший Н. Субботин.

15 марта 1868 г.

Примечания

1. Сушков Николай Васильевич (1796–1871) – поэт, драматург, биограф митрополита Филарета. Он написал о нём книги «Пятое августа 1867 (50-летие служения московского митрополита Филарета)». (1867), «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского» (1868), «Филарет, митрополит Московский» (1868). Все они изданы в Москве.

2. Митрополит Амвросий (1791–1863) – первый старообрядческий митрополит Белокриницкий. До присоединения к старообрядцам был митрополитом г. Босно-Сараево (ныне Сараево), удалён с кафедры по требованию турецких властей. Присоединился к старообрядцам в Белокриницком монастыре 28 октября 1846 г., но уже в июле 1848 г. из-за вмешательства российских властей получил предписание отправиться в ссылку в Цилли (ныне Словения), где и скончался, до конца дней оставаясь преданным старой вере.

3. Павел (Великодворский) (1808–1854) – старообрядческий подвижник, немало потрудившийся для восстановления полноты трёхчинной иерархии в Церкви Христовой (РПСЦ). Поселившись в Белокриницком монастыре, находившемся на территории Австрии (ныне – Черновицкая обл. Украины), в начале 1840-х годов добился разрешения от властей учредить в нём архиерейскую кафедру. Способствовал присоединению к Церкви митрополита Амвросия. Н.И. Субботин выслал П.П. Пекарскому портрет инока Павла, помещённый впоследствии в его книге «История Белокриницкой иерархии» (1874).

4. Муравьёв Андрей Николаевич (1806–1874) – поэт, духовный писатель, драматург. Его самое известное сочинение, «Путешествие по святым местам», заслужило положительный отзыв А.С. Пушкина. Автор сочинений против старообрядцев. Был строгим ревнителем церковного благочиния, за что заслужил прозвище «Андрей Незванный».

5. «Творения святых отцев в русском переводе».

6. Книга церковного историка, ректора и профессора Московской духовной академии Сергея Константиновича Смирнова (1818–1889) «История Троицкой семинарии» была представлена на Уваровскую премию. Академия поручила П.П. Пекарскому сделать ее критический разбор.

7. Инок Павел Прусский, ставший впоследствии известным противостарообрядческим миссионером, присоединился к единоверию 25 февраля 1868 г.

8

20 апреля 1868 г.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Ваше последнее письмо (1) получено мною в самый день светлого праздника, и тем было для меня приятнее: сердечно благодарю Вас за приветствие и благожелания. Но сам я

как видите, очень неисправен, отвечаю так поздно, между тем как, может быть г. Штендман (2) ожидает моего ответа. Прошу извинения и у Вас, и у него.

Весьма приятно было мне узнать, что нашёлся усердный исследователь истории Никона и что его изыскания не подтверждают взглядов Соловьева на эту историю. Я питал и питаю убеждение, что добросовестный труд будущих историков ясно и убедительно покажет, как ошибался наш прославленный историк, доселе с упорством отстаивающий свои взгляды на Никона и его деяния. Труд г. Штендмана меня интересует в высшей степени и поэтому самому я был бы готов служить ему всем, чем могу, в его занятиях, но, к сожалению, могу на сей раз сказать ему очень немногое на его вопросы. Справедливо говорит он, что подлинные документы по делу Никона хранятся в Синодальном архиве; но не знаю, известно ли ему, что документы эти (как я слышал) хранятся там под печатью. За что про что? – Бог это знает. Я однажды пользовался синодскими бумагами, но, разумеется, не в подлиннике. Известный А. Муравьев, служа в Синоде и сбираясь писать свою историю русской церкви, имел возможность воспользоваться тем, что хранилось под печатью, и снял копии с документов (не знаю, все ли) по Никонову делу. Копии эти он передал потом в нашу академическую библиотеку (за что великая ему благодарность). Вот чем попользовался я, составляя мою книжку (3). Более важные бумаги я напечатал в приложениях; остальными воспользовался честно, т.е. ни в чем не искажая их, за это могу поручиться. Но какие в этих последних бумагах есть подробности, интересные собственно [для] г. Штендмана, сказать это, согласитесь сами, для меня довольно затруднительно; да и, полагаю, что особенно важных подробностей, относящихся к описанным мною событиям, которых не внес бы я в сочинение, не осталось. Но если г. Штендману пожелалось самому просмотреть находящиеся в нашей библиотеке бумаги, я полагаю, Александр Васильевич не отказал бы ему. Только лишь нужно будет побывать ему здесь. За сим отвечаю на два частные его вопроса. 1) сочинение Паисия важно для истории Никона не потому, чтобы содержало в себе важные фактические подробности, тем менее по добросовестности в изложении фактов (которой вовсе не имеет), но прежде всего для изучения характера самого Паисия, игравшего такую значительную роль в истории патриарха и отчасти некоторых других деятелей враждебной этому последнему партии. Вообще же для того, чтобы составить вполне ясное и отчетливое понятие о всем этом деле, об интригах против Никона и проч., не излишне также обратить внимание на сочинение Никона (Ответы Стрешневу), его интересно сопоставить именно с сочинением Паисия. 2) подлинный соборный акт 1660 г. хранится, без сомнения, в Синод[ском] архиве; я пользовался копией, полученной от Муравьева. Да извинит меня г. Штендман за эти скудные известия по интересующему его поводу: сказал, что мог.

В непродолжительном времени я пошлю Вам несколько книжек, в которых найдете и обещанные портреты. К сожалению, с некоторых не нашлось у меня копий: их вышлю как-нибудь после. А инок Павел по смирению, которым поистине отличается, несмотря на все мои просьбы и, могу сказать, несмотря на все ко мне расположение, не позволил иметь с него портрета (4).

Желаю Вам здоровья и успеха в занятиях.

Душевно преданный Вам

Н. Субботин.

Примечания

1. От 27 марта 1868 г.

2. Штендман Георгий Федорович (1836–1903), действительный член Русского исторического общества, его секретарь, член археографической комиссии, тогда интересовался патриархом Никоном. Вопросы, с которыми он обращался к Н.И. Субботину через П.П. Пекарского, см. в «Русском вестнике» за 1905 г. (Т.298. №7. С.249). Он интересовался, в частности, подлинниками соборного деяния 1660 г. (на этом соборе ставился вопрос о лишении Никона патриаршества) и мнением Н.И. Субботина об изложении дела Никона, составленном Паисием Лигаридом. Публикация его труда о Никоне планировалась в третьей книжке «Сборника Русского исторического общества». Отдельным изданием в 1897 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Дело о патриархе Никоне».

3. Имеется в виду книга Н.И. Субботина «Дело патриарха Никона. Историческое исследование по поводу XI тома ,,Истории России“ профессора Соловьева» (М., 1862).

4. П.П. Пекарский просил у Н.И. Субботина портрет Павла Прусского для своей коллекции.

9

16 октября 1868.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Очень давно я не писал Вам, так давно, что совестно теперь и беседу начинать. Впрочем, да позволено будет сказать нечто и в свое извинение. Во-первых, каникулы я провёл вне Академии и в совершенной праздности (хоро-

шо оправдание!); во-вторых – занимательных предметов для беседы с Вами не имелось; наконец – и от Вас всё поджидал весточки в ответ на мое письмо, ещё в начале мая к Вам посланное. Я отвечал тогда на вопросы г. Штендмана. Боюсь, что мои ответы ни Вас, ни его не удовлетворили в степени, насколько Вы ожидали; но я, право, отвечал, что мог и как мог. Тогда же я послал Вам несколько фотографических карточек – портретов, снятых с известных в расколе деятелей. Надеюсь, они получены Вами? Я тогда выразил и теперь выражаю сожаление, что не мог послать Вам, как любитель, полную коллекцию этих портретов, собранную у меня: некоторые оказались в одном экземпляре.

Недавно я имел удовольствие получить из вашей Академии «Сборник статей»: видя в этом знак Ваше[го] неизменившегося ко мне расположения, благодарю Вас от всего сердца за память обо мне.

С удовольствием приняли мы известие о присуждении С.К. Смирнову награды (1): для него это немалое благодеяние. Зная Ваше главное здесь участие, я мысленно поблагодарил Вас. Смирнов хотел и сам писать к Вам. Приятно было узнать, что один из наших сотоварищей принимал с такой хорошей стороны засвидетельствованное участие в занятиях по присуждению премий. Это человек учёный, трудолюбивый и многознающий; нужно жалеть, что он, как и многие из наших, ничего не печатает из своих трудов. Желательно, однако ж, было бы знать, кто рекомендовал его Академии как человека, хорошо изучившего историю славянских просветителей. Не Викторов ли? (2). Они хорошие приятели.

Столько времени не писавши, я всё-таки ничего не могу сообщить Вам нового из наших мест, что было бы для Вас любопытно. Сам я одержим пороком, для Вас совсем неведомым, сиречь леностию, и послать Вам из напечатанного мною почти нечего. Впрочем, скоро вышлю беседы инока Павла, напечатанные славянским шрифтом, в начале следующего месяца они должны выйти из типографии. А Вы, конечно, трудились, по обычаю, много и, как всегда, с успехом? Искренно желаю Вам и успехов, и всего доброго.

Всегда Вас помнящий и искренно Вам преданный

Н. Субботин.

Примечания

1. Уваровской премии. См. письмо №7.

2. Викторов Алексей Егорович (1827–1883) – член-корреспондент АН, археолог и библиограф. По приглашению Ф.И. Буслаева преподавал с 1856 г. в Мариинско-Ермоловском женском училище русский язык и литературу, в 1861 г. избран помощником библиотекаря Московского университета, с 1862 г. до дня смерти состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском и Московском публичном музеях. С 1868 г. заведовал также архивом и канцелярией Московской Оружейной палаты.

10

18 января 1869 г.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Письмо Ваше (1) доставило мне много утешений – и само по себе, так как корреспонденцией с Вами я дорожу очень, и ещё больше потому, что в некоторой степени рассеяло мои опасения на Ваш счёт. Викторов как-то передал мне, в виде слуха, что Вас постигла тяжелая болезнь и поэтому, принимая в соображение Ваше молчание на мои письма, я против желания должен был поверить. Я пожалел о Вас сердечно; и теперь не менее сердечно рад, что Вы избавились по крайней мере от главной опасности (2). Дай Бог, чтобы Ваше здоровье восстановилось и вполне. А между тем, если что-нибудь значит совет человека, Вам искренне преданного, позвольте и мне посоветовать Вам не изнурять себя трудами. Всего, что хотелось бы, нам не переделать; а Вы на свою долю потрудились довольно, так довольно, что иному во всю жизнь не придется.

Недавно я отправил на Ваше имя посылочку с книгами о. Павла. Надеюсь, Вы не поленитесь исполнить моё поручение о доставлении одного экз[емпляра] в Академическую библиотеку, другого А.Ф. Бычкову. Вам, яко библиоману, я вышлю в непродолжительное время экз[емпляр] этой книги, напечатанный на веленевой бумаге. На сих днях о. Павел (ныне уже священноинок и настоятель единоверческого монастыря) по успешной моей просьбе дозволил, наконец, снять с него портрет. Хотя распространение портрета он решительно воспретил, но Вам я не премину выслать карточку.

Историческая библиография за 1859 год мне доставлена; получил я также «Сборник статей». За все это, больше всего, я обязан благодарностью Вам. Прошу Вас о продолжении Вашего ко мне расположения. Как хотелось бы мне повидаться с Вами! и ужели в самом деле навсегда заказан мне путь в ваш Питер? Все еще не теряю надежды совершить туда путешествие.

Еще раз желая Вам полного выздоровления,

остаюсь преданным Вашим слугою.

Н. Субботин

Примечания

1. От 12 января 1869 г.

2. П.П. Пекарский в 1868 г. перенёс второй удар, вследствие которого ему парализовало левую сторону лица. Он лечился в Париже, поэтому долго не отвечал на письма Н.И. Субботина. Во Франции он провёл около 5 месяцев.

11

5 февраля 1869 г.

Усерднейше благодарю Вас, многоуважаемый Петр Петрович, за Ваше любезное послание (1). В ответ посылаю Вам обещанную, на более плотной бумаге отпечатанную книжку отца Павла с портретом автора. Хотя наш туземный фотограф не великий художник, но инструмент сделал свое дело и передал черты о. Павла довольно верно. Я очень желал бы, чтобы и Вы, рассматривая наружность этого примечательного человека, почувствовали доброе к нему расположение. Глубоко я уважаю этого достопочтенного мужа.

По обычаю моему обращаюсь к Вам и с покорною просьбою – передать при удобном случае Я.К. Гроту другой экземпляр книги. Дело вот в чем. На сих днях я имел истинное удовольствие получить из Академии три отдельных выпуска «Сборников». За эту неисчерпаемую любезность ко мне Академии прежде приношу Вам мою искреннюю благодарность; о получении же книг, с выражением моей признательности за оные, я, согласно Вашему наставлению, обыкновенно уведомлял Я.К. Грота, что делаю и теперь, да, кстати, воспользовался случаем поднести ему и книжку о. Павла. Надеюсь, добрый Пётр Петрович, Вы не откажетесь исполнить и эту мою просьбу, как исполняли все другие.

Какую громадную книгу написал Чистович о Феофане! (2). Горю желанием прочесть её, тем больше, что и прежде уже слышал об ней от Вас; но не знаю, когда найду время. Так поглощают его текущие дела, и само оно утекает так скоро и незаметно!

С большим удовольствием прочёл я Ваши известия о записках покойного митрополита Иосифа, а также о г-не Мартынове, который приобрел у нас такую печальную известность (3). Из Вашего рассказа вижу, что записки м[ит]р[ополита] Иосифа не скоро могут быть обнародованы (4), и это, без сомнения, большая потеря для современных нам и ученых, и политических деятелей. Что же касается Мартынова, то не могу я надивиться, как эти люди могут совместить в себе такие несовместимые противоположности – беззаветную преданность папизму и любовь к России. Даже не верится, чтобы это последнее чувство было в них искренно, несмотря на всю кажущуюся его искренность. На то они иезуиты! Впрочем, не от Вас первых слышу о Мартынове то, что Вы пишете – и тем загадочнее для меня эта личность.

К Вам в Петербург отправился наш г. ректор для присутствия на юбилее университетском в звании депутата от нашей Академии. Достойнейшего представителя не может пожелать себе ни одно учебное заведение. Он же притом и член Петерб[ургского] Университета. Александр Васильевич очень Вас помнит и, конечно, рад будет встретиться с Вами в Петербурге.

Желаю Вам всего лучшего и больше всего здоровья.

Преданный Вам Н. Субботин.

Примечания

1. Письмо от 31 января 1869 г.

2. Чистович Иларион Алексеевич (1828–1893) – писатель, историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии. Состоял вице-директором канцелярии обер-прокурора Синода, управлял контролем при Синоде и был членом учёного при Синоде комитета. «Феофан Прокопович и его время» – самый известный труд И.А. Чистовича, вышел в 1868 г.

3. Мартынов Иван Михайлович (1821?–1894) – русский археолог. В 1860-х годах уехал во Францию, принял католичество, вступил в орден иезуитов. Перевёл на русский язык книгу И.С. Гагарина «La Russie sera-t-elle catholique?» («Будет ли Россия католической»). Печатался в журналах «Etudes litteraires, critiques, historiques», «Atheneum», где вёл хронику русской научной и литературной жизни. Лучшая его работа «Греко-славянский церковный год» («Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus») (1863) была одно время самым полным трудом по православной агиологии, охватывая критически обработанные биографии святых, не только чтимых в России, но и местночтимых в Грузии, Болгарии, Черногории. Мартынов участвовал в создании в Париже Кирилло-Мефодьевского общества, издавал «Кирилло-Мефодьевский сборник». С И.М. Мартыновым П.П. Пекарский познакомился во Франции. «По учёности и любви к славянству это, бесспорно, человек замечательный, – писал он Н.И. Субботину, – но он проникнут до ногтей папизмом, так что в этом отношении он перестал, по крайней мере, мне так показалось, быть русским: у него образовалась какая-то складка в образе мыслей, которой нет у нас».

4. П.П. Пекарский вошёл в состав комиссии, решавшей вопрос о том, как должна поступил Академия наук с записками митрополита Литовского Иосифа (Семашко), кото-

рые были завещаны для публикации. Митрополит Иосиф, среди прочего, рассказывал в них о своей жёсткой борьбе с католическим влиянием во вверенной ему митрополии. «Биография такой личности была бы в высшей степени поучительна для нашей эпохи, отличающейся шатанием в людях, отсутствием стойкости и пр. Жаль, что наши цензурные обычаи и щепетильность общества будут ещё долго препятствием к обнародованию записок м. Иосифа», – писал П.П. Пекарский Н.И. Субботину. В том же 1869 г. графом Д.А. Толстым была составлена биография митрополита, напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения». («Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 году»). Записки самого митрополита Иосифа вышли в свет в 1883 г. в трёх томах.

12

6 марта 1870.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Весьма грустно было мне узнать, что здоровье Ваше худо поправляется. Надеюсь, по крайней мере, что лечение, а особенно природа и беззаботная жизнь, которую Вам предписывают на нынешнее лето, воздух родины и прочее – все это восстановит Ваши силы и Вы еще потрудитесь на пользу науки (1). Благодарю Вас и за сочувствие моей должности: у меня она зависит, прежде всего, от природной слабости организма. Да и лета уже дают себя чувствовать. Впрочем, в настоящее время особенно жаловаться на нездоровье мне было бы грешно. От души желаю и Вам полного восстановления здоровья.

Вот Вы, несмотря на все невзгоды, все-таки приготовили к печати большую книгу, которой, надеюсь, не забудете порадовать и меня, когда выйдет из печати (2). А я все не соберусь, или, правильнее, не успеваю обработать давно задуманный труд – историю Белокриницкой иерархии, для которой имею, и уже собрал, даже приготовил к напечатанию в виде приложений к книге, обильные материалы. Признаться, хотелось бы исполнить это дело, пока есть еще силы.

Знаю Вашу любезную обязательность, без церемонии скажу Вам, что «Историческую библиографию» за 1860 г. очень желательно получить: этого выпуска я не имею.

Ужели нет ещё в продаже, и Вы не имеете нового тома описания синодальных рукописей? (3). Вот что значит секретное, и именно синодальное издание! Я получил от автора. Книга очень важна, особенно для нас, имеющих дело с раскольниками. В ней описана часть (первая половина) богослужебных рукописных книг. Наш Александр Васильевич принимал участие в её издании, но едва ли большое. Жаль, что этого глубоко учёного мужа от занятий чисто учёных отвлекла значительно ректорская должность, которую он старается исполнять со рвением, но для которой нет у него способности, так что и самое рвение служит ему только во вред; а при новых порядках, которые с нынешнего лета будут введены у нас, я полагаю, ректорство сделается ему и ещё тяжелее. Это, конечно, между нами, но это слепому бросается в глаза. Теперь Александр Васильевич утешается тем, что у нас устроена и освящена недавно своя собственная церковь; для него это действительно высокое утешение и своим примером сердечной благоговейности он благотворно действует и на нас – нередко говорит проповеди и, надобно заметить, он замечательный проповедник, – его проповеди представляют редкое соединение обширной учёности и знания с самой искренней верой и горячностью сердца.

Простите, добрейший Петр Петрович.

Желаю Вам всего лучшего.

Преданный Вам Н. Субботин.

Примечания

1. После долгого перерыва в переписке, в письме от 26 января 1870 г. П.П. Пекарский писал Н.И. Субботину, что вновь перенёс удар. Врачи запретили ему работу, предписав вести «чисто животную жизнь» на родине, в Уфимской губ. Это было последнее его письмо. 12 июля П.П. Пекарский скоропостижно умер от холеры под Петербургом.

2. «Я окончательно подготовил том жизнеописаний наших академиков, который будет листов 60 печатных. По суетности человеческой я с удовольствием думаю, что скоро будут печатать его: выбираю теперь шрифт, формат и пр.», – писал П.П. Пекарский Н.И. Субботину.

3. Имеется в виду очередной выпуск книги А.В. Горского и К.М. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки».